

Л. И. Цацура

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ВО II В.

II век стал для Римской империи кульминацией развития. Относительный мир и объединение Средиземноморья в рамках единого государства давали максимальные для древности возможности развития хозяйства и относительно равномерное распределение ресурсов между различными частями империи.

В 96 г. провозглашением императором Марка Кокция Нервы начинается эпоха династии Антонинов. Избрание Нервы (представителя старого сенатского рода) символизировало наступление эпохи согласия между сенатом и принцепсом, которая продолжалась вплоть до прихода к власти Коммода (180–192 гг.) [9, 57].

Важнейшим фактором общественного развития империи была нивелировка входивших в нее областей. Италия постепенно теряет свое преимущественное положение, и, наоборот, многие из провинций переживают период расцвета [11, 126]. Сельские районы были затронуты нивелировкой в меньшей степени.

Основой хозяйственной жизни оставалось рабовладение, но те новые элементы хозяйственного развития, которые возникли в первый период империи, получили свое дальнейшее развитие. Это было время распространения колонатных отношений. Наряду со свободными крестьянами-арендаторами, в имениях землевладельцев появилось много посаженных на земли рабов, которые обрабатывали небольшие наделы и платили оброк своему господину. Происходило сближение таких рабов и колонов.

Изменения в экономической и социальной структуре римского общества влекли за собой и эволюцию идеологии. Однако религиозная политика

императоров, выходящая на первый план в идеологическом обосновании существующего строя, по-прежнему основывалась на пропаганде «римского мифа» и связанного с ним императорского культа. Лозунги «римского мира» и наступившего «золотого века» провозглашали, что войны кончились, наступала эпоха спокойствия и процветания. Рим, наконец, выполнил предназначенную ему миссию, покорил все народы и справедливо правит ими к их же благу, весь обитаемый «круг земель» признал его величие [3, 248–249; 4, 8–81]. Все эти мотивы непосредственно связывались с личностью, заслугами, добродетелями Августа, который осуществил «римский миф», а затем и с последующими императорами.

Широкое распространение получил императорский культ. По мнению Ю. К. Колосовской, он формировался постепенно, как религиозно-политическая доктрина. Этот культ ведет свое начало от решений сената по обожествлению убитого Юлия Цезаря, а окончательно сформировался при Северах [6, 190]. Уже со времен Августа личность императора стала считаться носителем божественной силы. Свою божественную силу император получал как в результате обожествления его после смерти, так и в результате того, что каждый здравствующий император выступал «сыном божественного (пусть и в результате усыновления). Во II в. проявилось стремление к наделению божественной силой не только самого императора, но и членов его семьи.

В императорском культе соединились две тенденции. Одна из них – сакральная, когда культ был выражением религиозности; другая – религиозно-политическая, так как этот культ стал проявлением лояльности и верности императору. Последняя тенденция окончательно формируется в III в.

Императорский культ проникал во все сферы жизни. Даже неспециально организованные для его отправления коллегии должны были собираться на совместные трапезы в дни различных юбилеев принцев и их семей. Клятва божественным Августом и Гением принцепса была обязательна во всех случаях, требовавших присяги. Молитвы за императора, римский сенат и римский народ были обязательны в праздники, сопровождавшиеся жертвоприношениями. В городах и селах устанавливалась статуя правящих

принцев и храмы обожествленных, фламины их культа в городах избирались из самых видных лиц, прошедших все муниципальные должности.

Римские сенаторы входили в коллегии жрецов того или иного обожествленного императора или всего рода. Статуи и алтари воздвигались добродетелям принцепса, его победам, его Счастью, Щедрости, Справедливости, охранявшим его богам [15, 212].

Как показали исследования религиозной жизни римских провинций, императорский культ во II в. был широко распространен не только в самом

Риме, но и провинциях, причем не только в городах, но и в сельской местности [1, 93–94; 6, 195]. По наблюдению Е. С. Голубцовой, в надписях II в. из Малой Азии императоры все чаще назывались богами [1, 95]. Итак, официальная идеология, основанная на установках времен Августа и первых императоров, оставалась неизменной. Но в сознании широких масс населения Римской империи происходили значительные изменения.

В сферу влияния римской культуры оказались втянутыми огромные массы людей с различными формами общественной организации. Резко возросла мобильность населения. Даже римляне больше не чувствовали себя особой группой. Провинциалы получали римское гражданство, продвигались в высшие сословия и на высшие посты в администрации [7, 286–287].

Само понятие «Рим» все более обращалось в некую фикцию. Огромный город с его разноплеменным, принадлежавшим к разным сословиям, статусам

населением, контрастами роскоши и нищеты, власти и подчинения, ничем уже не напоминал общину более или менее равных граждан, в которой возник «римский миф» со всеми его этическими и религиозными компонентами.

Став темой повседневной пропаганды, «римский миф» и все связанные с ним ценности утрачивали эффективность воздействия. Если в I в. идея достигнутой Римом кульминации была еще внове, то теперь она стала столь привычной, что уже никого не могла вдохновить. «Римский миф» еще объяснял прошлое и оправдывал настоящее, но он не намечал целей на будущее, что и вело к его вырождению. Как пишет Е. М. Штаерман, тоска завершенности казавшейся навеки установившейся системы «вечного Рима» и «божественного», «непобедимого» императора при всем видимом благополучии становилась все более гнетущей [14, 96].

Большое значение имел и тот факт, что надежды на «золотой век» не оправдались. И хотя, в общем, в первые два века империи экономический уровень повысился и большее число ее жителей получило возможность продвинуться, росло чувство неудовлетворенности, отчуждения, оторванности. Отсутствие ясных целей, сознание низменности и неизбежности всего существующего обесценивало этику, сформировавшуюся на почве римской гражданской общины и санкционировавшуюся «римским мифом».

Одобрение граждан утратило смысл, поскольку община перестала существовать. По мнению Г. С. Кнаббе, государственная общность стала «настолько абстрактной и искусственной, что потребность античного человека в местной конкретности существования, в повседневной солидарности с тесным кругом других людей должна была реализоваться вне имперских институтов» [4, 99–100].

Именно поэтому надежда на милость богов теперь становится всеобщей, тем более что благодаря распространению веры в бессмертие души, соблюдение этических норм обуславливало посмертную награду или наказание.

Такое умонастроение предполагало значительно более тесное общение с божеством, чем простое исполнение обрядов. Общение должно быть и более личным, и более непосредственным. Бог своим примером, выражением своей воли должен был наставить адепта на путь, ведущий к бессмертию и приобщению к богам, а также помогать ему в разных жизненных обстоятельствах [15, 214].

В этих условиях почитание императорского культа для жителей империи становится лишь принесением дани традиции, чисто внешней формальностью, от которой, однако, нельзя отказаться. Императорский культ еще не превратился в средство проверки на лояльность, каким он станет в III в., но в глазах населения он уже лишился той «божественности», которую имел раньше.

Вероятно, такое положение вполне устраивало римское правительство, для религиозной политики которого была характерна веротерпимость. Поэтому, принимая участие в официальных культовых церемониях и совершая жертвоприношения, римские подданные могли свободно поклоняться своим

богам. Истоки этой веротерпимости, возможно, исходят со времени отождествления Римом своих богов с греческими, а затем последующего принятия в свой пантеон божеств тех народов, которые включались в Римское государство в период завоеваний и таким образом «романизировались».

К тому же у императоров II в. и не могло быть особого беспокойства из-за обилия различных божеств, так как религия при всех ее локальных вариантах оставалась римской религией [15, 215].

Вместе с тем усилившаяся религиозность сознания требовала выхода. Во всех сословиях начинаются религиозные поиски, протекавшие в «верхах» и «низах» населения по-разному. Бедняки, вольноотпущенники, рабы почитали богов (Сильвана, Геракла, Феронию, Добрую Богиню и др.), которые не играли важной роли в официальной религии. Среди высших слоев религиозные учения переплетались с интересом к популярным философским течениям [15, 215].

В отличие от римского государства, полнокровное, насыщенное бытие которого отодвигалось все дальше в прошлое, социальная и духовная среда, заполнявшая коллегии простых людей, жила непосредственной сегодняшней жизнью, достаточно напряженной, несмотря на всю свою скудность.

Официальным добродетелям широкие народные массы противопоставляли свои. Не служение процветанию Рима, а тихая незаметная жизнь. Стрдание, милосердие, кротость, совестьливость – все эти черты народной идеологии диктовались стремлением сохранить духовную свободу и человеческое достоинство, страдавшие от соприкосновения с враждебным миром патро-

нов и «благодетелей». Такая форма протеста, нашедшая свое завершение в переоцененном все ценности христианстве, при видимой пассивности была достаточно действенна, подрывая моральную опору, идеологическую базу существующего строя с его проповедью всеобщего счастья, единения и справедливости [4, 101].

Высшие сословия, состоявшие из сенаторов, всадников и декурионов, были неоднородны, неоднородны были их идеология и религиозные представления.

Характерной чертой религиозной обстановки в Римской империи II в. была популярность ряда восточных синкретических культов с их сложными обрядовыми комплексами мистерий (Исиды, Сераписа, Аттиса, Кибелы, Митры и др.), а также мистерий Диониса и Деметры. К участию в мистериях допускались после прохождения нескольких степеней посвящения, на которых посвящаемым открывались все новые и новые тайные знания о божестве, недоступные для непосвященных. Общими чертами для религий мистерий были вера в индивидуальное достижение загробного спасения, мистицизм как вера в возможность непосредственного общения с божеством, эмоциональный характер культа [12, 21].

Для ряда таких культов было присуще представление о едином божестве – вседержителе, владыке вселенной, божестве-спасителе, в образе которого

сливались функции различных богов. Это было как проявлением религиозного синкретизма, так и характеризовало направление религиозных поисков в Римской империи в направлении к монотеизму.

Восточные синкретические культы широко распространились в разных частях Римской империи. Следы их обнаружены в результате археологических раскопок и в Англии, и в Испании, и в Египте, и в Сирии, и в Италии, и в Швейцарии, и Малой Азии и т. д. [5, 142; 17, 75–79; 16, 51–53].

Если раньше среди исследователей существовало мнение, что приверженцами культов мистерий были люди из низших социальных слоев (бедняки, рабы) [2, 195; 10, 45], то ныне преобладает точка зрения, что в основном это были люди из средних и высших слоев [5, 148; 8, 248].

Широко распространялась тяга ко всему необычному, чудесному, фантастическому, выводящемуся из повседневности. По мнению Е. М. Штаерман, все это были «опасные симптомы растущего равнодушия к действительной жизни и деятельности в высших и средних слоях» [14, 77].

Философия, снова ожившая при Антонинах, старалась противопоставить им старую идею общности и гармоничности космоса, человеческого рода, полиса, права и обязанности человека, в первую очередь труд на общее благо, общую пользу, придававший смысл его жизни. Эту идею пропагандировали и стоики, и платоники, и пифагорейцы, несмотря на различия в их исходных положениях. Вместе с тем столь же всеобщим стал тезис

о преимуществах спокойной, даже незаметной и бедной жизни, поскольку она меньше подвержена всяким переменам и случайностям и предоставляет больше возможностей для достижения мудрости и добродетели, единственному оплоту в несчастье [15, 249–250].

С приходом к власти Марка Аврелия осуществилась последняя утопия античного мира: видеть на троне добродетельного философа. И сразу же стала очевидной несостоятельность этого идеала, поскольку именно в его правление начинается кризис, в корне изменивший весь строй принципата, кризис, который не мог предотвратить император при всей своей, казалось бы, огромной, божественной власти. У Марка Аврелия утверждаемая стоиками неизменность вселенских и земных законов при ставшем очевидным несовершенстве последних приводила к утверждению бессмысленности всякой деятельности, поскольку ничего нельзя исправить и изменить.

Итак, даже в императорский дворец проникли идеи о бренности жизни и бесцельности стремления к славе.

Таким образом, с частичным разложением сельских общин и постепенным растворением городских гражданских общин в империи, с установлением обязательного императорского культа и углублением социального неравенства различные общественные слои в поисках ответов на стоявшие перед ними вопросы различными путями приходят к поискам единого, верховного, общего

для всего человечества бога. Эти религиозные поиски готовили почву для восприятия христианства.

В самом христианстве во II в. происходили сложные внутренние процессы. Главным содержанием его идеологического развития в это время было осознание себя как нового религиозного учения, противостоящего и многобожным религиям античного мира, и иудаизму. Выработывалась христианская догматика, этика, отбирались писания, которые признавались священными, складывалась церковная организация, противоположная древней религиозной общине, основанной на авторитете пророков, проповедовавших откровения, и апостолов, повторявших устную традицию, восходившую по их словам, к самому Иисусу. В этот период была подготовлена основа для процесса в христианстве, характеризующегося как католизация и приходящегося на III в.

Литература

1. Голубцова, Е. М. Идеология и культура сельского населения Малой Азии I–III вв. / Е. М. Голубцова. – М., 1977.
2. Донини, А. Люди, идолы и боги / А. Донини. – М., 1962.
3. Идеология поздней Римской империи // История древнего мира. Упадок древних обществ. – М., 1983.

4. Кнаббе, Г. С. Римское общество в эпоху ранней Империи / Г. С. Кнаббе // История древнего мира. Упадок древних обществ. – М., 1983.

5. Ковалев, С. И. Основные проблемы происхождения христианства / С. И. Ковалев. – М.; Л., 1964.

6. Колосовская, Ю. К. Римский провинциальный город, его идеология и культура / Ю. К. Колосовская // Культура Древнего Рима. – Т. II. – М., 1985.

7. Куманецкий, К. История культуры Древней Греции и Рима / К. Куманецкий. – М., 1990.

8. Ленцман, Я. А. Происхождение христианства / Я. А. Ленцман. – М., 1960.

9. Неронова, В. Д. Социально-политическое и экономическое развитие ранней Римской империи / В. Д. Неронова // История древнего мира. Упадок древних обществ. – М., 1983.

10. Румянцев, Н. В. Дохристианский христос / Н. В. Румянцев. – М., 1926.

11. Свенцицкая, И. Раннее христианство: страницы истории / И. Свенцицкая. – М., 1989.

12. Федосик, В. А. Критика богословских концепций христианского катехумената / В. А. Федосик. – Минск, 1983.

13. Федосик, В. А. Таинства без тайн / В. А. Федосик. – Минск, 1979.

14. Штаерман, Е. М. От гражданина к подданному / Е. М. Штаерман // Культура Древнего Рима. – Т. I. – М., 1985.

15. Штаерман, Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима / Е. М. Штаерман. – М., 1987.

16. *Campbell, S. A. Mithraistic Iconography and Ideology / S. A. Campbell. – Leiden, 1968.*

17. *Harris, E. The Oriental Cults in Roman Britain / E. Harris. – Leiden, 1965.*